

СЕРЕДА.

Молодая баба поздно вечеромъ пряла. Оставалась она долго одна ночью во вторникъ подъ середу. Въ полночь эдакъ ужь первые пѣтухи пропѣли, вздумала она ложиться спать, а хотѣлось ей допрясть початки. Думаетъ: «встану-де завтра пораньше, а теперь спать хочется!» Стала власть гребень да не перекрестилась и говорить: «ну, матушка Середка, помоги мнѣ, чтобы завтра встать пораньше да допрясть.» Такъ и заснула.

Вотъ поутру рано, далеко до свѣту, слышитъ она, что въ избѣ кто-то ходитъ, возится. Открыла глаза, видитъ: свѣтло въ избѣ; лучина въ свѣтцѣ горитъ и печка топится; ходитъ по избѣ баба ужь не молодая, накрывшись по кичкѣ бѣлымъ полотенцемъ, ходитъ, дрова въ печку кладетъ, прибираетъ. Подошла къ ней къ самой, будить ее: «вставай», говоритъ. Молодая баба встала, дивится и спрашиваетъ: «да кто же ты такая? Зачѣмъ сюда пришла?»—Да я, говоритъ, та, кого звала; пришла помогать тебѣ!—«Кто же ты? Кого я звала?»—Я Середка; ты, говоритъ, вѣдь, Середу звала. Вотъ я тебѣ холсты отпряла да ужь и выткала; а теперь давай бѣлить ихъ, въ печку становить. Печка затоплена и чугуны готовы, а ты сходи на рѣчку, воды принеси.—Баба боится, думаетъ: что бы это было?—А Середка на нее сердито глядитъ, а глаза такъ и сверкаютъ.

Взяла баба ведра, пошла за водой. Вышла за дверь да и думаетъ: не было бы мнѣ бѣды какой; пойду я къ сосѣдямъ лучше, чѣмъ за водой идти.—Пошла, ночь темная. На селѣ еще всѣ спятъ. Пришла къ сосѣдямъ, насилу достучалась въ окошко. Отперла ей старуха. «Что, говоритъ, ты, дитятко, такъ рано поднялась? Что тебѣ?» — Ахъ, ба-

бушка! такъ и такъ, пришла ко мнѣ Середа и послала меня по воду холсты золить.—«Не хорошо это—говорить старуха—она тебя на томъ холстѣ либо удавить, либо сварить»; видно, знакома была съ ней старуха-то.—Что-жь, говорить, мнѣ дѣлать? Какъ отъ бѣды избѣть?—«А ты вотъ что сдѣлай: возьми ведрами стучи да и кричи передъ избой-то: «на морѣ Серединскія дѣти погорѣли!» Она выскочитъ изъ избы, смотри ты нарови вскочить прежде нее въ избу, дверь-то запри, да и закрести. Какъ она ни будетъ грозить, просить, не впускай, а крести и мѣломъ и руками, да твори молитву. Вотъ нечистая сила и отступится.»

Вотъ баба побѣжала домой, стучить въ ведра и кричить подъ окошкомъ: «на морѣ Серединскія дѣти погорѣли.» Середа выскочила изъ избы, побѣжала смотрѣть, а баба въ дверь; заперла и закрестила. Середа прибѣжала назадъ, начала кричать: «пусти, родимая! Я тебѣ холсты напярала, бѣлить буду.» Баба не послушалась, а Середа стучала дѣтѣхъ поръ, пока пѣтухи запѣли. Какъ пѣтухи запѣли, она завизжала и пропала; а холсты остались у бабы.

(Записана въ Орловской губерніи.)

107.

НОЧЬ НА ИВАНА КУПАЛУ. (*)

У одного барина былъ холопъ кабальный. Вотъ и вздумалъ этотъ холопъ на Ивана Купалу въ самую ночь сходить въ лѣсъ, сорвать папоротникъ, чтобы кладъ достать. Дождь оный этой ночи. Уложилъ оный барина спать; скинулъ крестъ, не молясь Богу, въ одиннадцать часовъ ночи и пошелъ въ лѣсъ. Входитъ въ лѣсъ. Жутко ему пришло;

(*) Ночь на Ивана Купалу бываетъ съ 23 на 24 Іюня.

См. Лѣтописи русской лит., томъ IV, отд. III, стр. 73—74.

Ср. Вѣстникъ Имп. Геогр. Общ., 1857, кн. IV, стр. 272—274.